

1022
130005
3/1920
x16cm

КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

3/09

1920

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

№ 3—4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ

СОДЕРЖАНИЕ.

Статьи.

	стр.
Вааруха и европейская культура. <i>В. Быстрянского</i>	1
Книга и революция. <i>В. Славской</i>	4
Еще об одном «забытом фронте». <i>Р. Гольдарбейтера</i>	6
Об ex-libris'ax <i>В. Савонько</i>	7
Государственный Институт графических искусств. <i>Мих. Лемке</i>	8

Обзоры.

Педагогические журналы за 1919 год. <i>И. С. С—ва</i>	11
Новое о театре. <i>Конст. Дерожавина</i>	17

Рецензии по отделам.

Текущий момент. Коммунистический Интернационал и освобождение Востока. <i>Я. Новомирского; А., Петербургского</i>	19
Наша Революция. <i>Петербургского, В. К., М. Серебрякова, Рясы, К. М., К. Степанаева, П—ва и Крюкова</i>	23
История революционного движения в России. Новое о Радищеве. <i>Я. Барскова; Историка, М., Мих. Лемке, Р., Р. Кантора, Ю. и С. Валка</i>	29
Русская история. Эпоха 1848—1881 гг. <i>М. Лемке; С. Валка, П., М. Маврина, К. М., проф. Н. Державина и Н. Л.</i>	40
Социология. <i>М. Серебрякова, С. Ф., Ф. С. и С. Фарфоровского</i>	52
Общая история. <i>Ф., Ф. С., С. Ф., С. Фарфоровского.</i> Литература истории Великой Французской Революции. <i>А. А. О.</i>	54
Беллетристика. <i>Тугарина, Л., Н. Л., Опуха, Н., С. Б., Пау Аммы, В. Телье, С. Боева, Рец., Кеука</i>	58
История русской литературы. <i>М. Глстова, Ник—го, Л. и К. М.</i>	66
О науке. <i>Ю. Филиппченка, Перископа, проф. Хвольсона и Н. Л.</i>	68
Естествознание. Популяризация или вульгаризация? <i>Перископа; Я. Перельмана, Ю. Филиппченка, Я. П., проф. О. Хвольсона</i>	69
Медицина. <i>Проф. В. П. Осипова, д-ра Л. Я. Яковзона и А. К.</i>	76
Воспитание и образование. <i>С. Шохор-Троцкого, И. С., Я. П., Л., А. Ш—ва и Р. Кантора</i>	78
Искусство. <i>Наля, Кресла № 286 и Не-актера</i>	82
Журналистика. <i>Триэмиа</i>	85
Военное дело. <i>Энвиша, Вл. Апушкина и В. К.</i>	86
Религия. <i>П. Губера</i>	91
Детская литература. <i>А. Калмыковой и И. С.</i>	92
Роясь в книгах. А. Н. Островский—переводчик <i>Л. К. «Сочинениям» К. К. Павловой, П. Дополнения к первому собранию писем И. С. Тургенева, Мих. Лемке</i>	93
Графические искусства. Как создается книга. <i>П. Галактионова.</i> Рецензия <i>Шпоника</i>	96
Хроника. Научная жизнь. Литературная жизнь. Книжное дело. Конкурсы	100
Объявление Государственного Издательства	103

КНИГА и РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3—4

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

1920

Разруха и европейская культура.

В России результатом долголетней войны гражданской и империалистской, а также блокады, является хозяйственная разруха. Недостает продовольствия, сырья, машин, рабочих рук.

Не могла не сказаться разруха и на издательском деле — не хватает бумаги, шрифта, рабочих.

Освобожденный народ, приступивший к сознательному творчеству своей жизни, пред'являет громадный спрос на книгу, на газету, но его духовный голод, при сложившихся условиях, удастся удовлетворить лишь в малой мере.

«Духовная жажда» масс, равно как и их материальные нужды, пока еще не может быть утолена в должной степени.

Враги народа, конечно, винят в недостатке как материальных, так и духовных благ самое революцию, но они намеренно затушевывают тот факт, что не в лучшем положении находятся и западно-европейские страны, где у власти стоит еще капиталистическая буржуазия.

До войны Германия занимала первое место на мировом книжном рынке по количеству и качеству ее изданий, но явившаяся следствием войны, разруха нанесла тяжелый удар ее издательскому делу.

Германская периодическая пресса дает богатый и красочный материал для характеристики положения немецкой книги. Лейпцигский корреспондент «Berliner Tageblatt» (№ 162 от 30 июня) повествует о «самом темном и печальном деловом годе».

«Экономическое положение книгоиздательского дела называется (в отчете немецкого союза издателей) совершенно неутешительным и внушающим серьезные опасения. Производство стеснено не только веледствие недостатка бумаги и все еще необходимого распределения наличных запасов бумаги, но и самое издательское дело испытывает затруднения в связи с *невероятным вздорожанием издательства*, зависящим от *увеличивающейся* скачками стоимости сырых материалов, от все возрастающих обкладов жалованья и заработной платы в книжной торговле и в работающих на нее отраслях промышленности. Именно наиболее ценные с культурной точки зрения книги можно издавать, лишь неся материальные жертвы, или вовсе не издавать, ибо они не принадлежат к предметам массового потребления, а, наоборот, имеют доступ лишь в образованные круги общества, а потому и должны по своей цене сообразоваться с покупательскими средствами этой по большей части не владеющей капиталами публики. В особенности это относится также к специальным и к научным сочинениям, на которых также тяжело отражается налог на объявления»...

Неизбежное в связи с сокращением рабочего времени и ростом значения розничной продажи увеличение персонала, ставшая обычной немедленная уплата при сдаче товара, возросшие повсеместно расходы и обесценение денег обусловили собой такое увеличение оборотного капитала

СОЦИОЛОГИЯ.

Г. В. Плеханов (В. Бельтов). *К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.* Изд. В. Ц. И. К. Стр. 280. М. 1919.

Народники узурпировали богатое литературное наследство Н. Г. Чернышевского, которого никогда не понимали. Они ловко использовали гениальные арабески А. И. Герцена, безбрежной широты которого никогда не умели охватить. Совершив двойное заимствование из столь разнородных источников, они амальгамировали его в своеобразное миросозерцание, вошедшее в историю под именем народничества. К началу 80-х годов народничество пустило глубокие корни в публицистике, критике, беллетристике и общественном знании. Во всех областях оно, казалось, заняло незыблемые позиции. И сами литературные партизаны народничества, и читающая интеллигенция наивно считали его прямым наследником славной «Народной Воли». Не встречая отпора, оно неограниченно влияло на лучшие умы и всюду господствовало почти монополично.

Но время шло. Серая сермяжная Русь с ее общиной, артелями и кустарными промыслами покрывалась сетью железных дорог. Натуральное хозяйство неумолимо вытеснялось денежным. Народился и быстро рос капитализм: светелки кустарей отступали перед фабриками и заводами; артели гибли и заменялись акционерными компаниями; земельная община—главный устой народничества—неудержимо разлагалась. Всюду вторгался всемогущий капитал, нагло торжествуя победу. Вместе с ним появился и его неизменный спутник—рабочий класс. Народники сочли его незаконнорожденным ребенком русской истории. В невежественном, нищем, пьяном и совершенно бесправном пролетариате они не заметили ни малейших признаков той силы, которая современем освободит крестьянскую Русь из-под самодержавного пресса. Капитализм—думали они—гибелен уже потому, что обостряет эксплуатацию крестьянских масс и ведет к их пролетаризации. Народники забеспокоились. . . . «Чумацкий идет!» пропесня тревожный клич в литературных рядах. Слепые поклонники русской самобытности не хотели верить в гибель общины, кустарных промыслов и артелей. Не постигая неизбежности и положительных сторон капиталистического развития, они с ужасом думали о фабричном котле, в котором предстояло вывариться русскому крестьянину. Вместе с тем экономические стареверы объявили капитализм мертворожденным плодом покровительственной политики государства, при самом зачатии обреченным на естественную смерть.

Искаженное восприятие экономической действительности отражалось и в области чисто теоретических вопросов. Народники были просто не в состоянии ни усвоить марксизма, ни оценить его всеобъемлющего мирового значения. Вместо последо-

вательной и законченной теории пролетарской революции они проповедывали бессильные моральные сентенции, облеченные в лже-научные одеяния. Только отдельные, особо одаренные люди, вроде профессора Киевского университета Н. Зиберы или умершего молодым И. Ф. Фесенко, сумели прозреть и пойти иным путем.

Однако, в начале же 80-х годов появились марксисты, в 1883 г. объединившиеся в «Группу освобождения труда». Они совершенно иначе смотрели на грядущие судьбы капитализма и на историческую роль рабочего класса. Основательно изучив произведения Маркса и Энгельса, русские марксисты решили открыть литературный поход против крайне вредных, но глубоко вкоренившихся народнических предрассудков. Г. В. Плеханов первый начал обстрел, нелегально напечатав за границей ряд таких книг и брошюр, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова» и т. д. В 1890 г. он же приступил к изданию зарубежного журнала «Социал-демократ».

Однако, свирепая реакция сумела хорошо наладить полицейско-жандармский аппарат. Распространить нелегальщину было очень затруднительно, а распространяемая в малом количестве она далеко не достигала цели. Между тем народнические иллюзии порождали невероятную смуту и путаницу в умах. Многочисленные, но разноценные труды Н. Б. Михайловского, Н. Л. Лаврова (Миртова), В. В. (Воронцова), П. И. Кареева и других создавали даже видимость какой-то особой «русской школы». Назрела пора положить этому предел на широком литературном поле.

Почти не имея доступа в редакционные святилища народнических журналов, Плеханов решил выпустить отдельную книгу. Здесь он предполагал нанести удар теоретическим основам народничества. Конечно, признанный вождем русской социал-демократии, глубокий знаток революционного марксизма и известный широким кругам эмигрант мог выступить не с открытым забралом, а под литературным псевдонимом. Так в 1895 г. появилась знаменитая книга В. Бельтова.

Рожденная в пылу ожесточенной борьбы, она написана в резко полемическом тоне. Остро отточенная рапира автора, как молния, сверкает на ее страницах, глубоко вонзаясь в рыхлое тело одряхлевшего народничества. Тонкая ирония и неистощимое остроумие, язвительный сарказм и убийственная логика переливаются в этой работе всеми цветами радуги. Прекрасный язык, богатство образов, сочность красок—все увлекает читателя.

Такова внешняя форма книги. Однако едкий и беспощадный полемист счастливо сочетался в Плеханове с пронзительным, живым умом и разносторонне образованным человеком. В жертву внеш-

ней красоте он не принес ни научности изложения, ни глубины содержания, ни, наконец, оригинальности в разработке вопроса. Это, несомненно, одно из самых лучших, глубоких и законченных произведений Плеханова, блестяще разрешившего поставленную задачу: устарелому народничеству было решительно и прямо противопоставлено юное, боевое, полное энергии и сил мировоззрение революционного марксизма.

Книга произвела впечатление внезапно разорвавшейся бомбы или удара грома из ясного неба. Нужно было жить в то время, чтобы вполне оценить ее животворное влияние. Казалось, что в затхлую атмосферу народнических покоев ворвалась струя свежего морского ветра. Как взбудоражила весь народнический муравейник эта литературная перчатка, смело брошенная в лицо самым уважаемым его столпам—Михайловскому, Лаврову и другим! Какие жаркие споры, какие ожесточенные нападки она возбудила!

Я хорошо помню, какое громадное впечатление этот замечательный труд произвел лично на меня, в то время совсем зеленого юношу: словно яркий свет прорезал мрак, осветив самые темные и запутанные вопросы. Эта книга раз навсегда сделала меня марксистом. И немного найдется еще книг, где в такой ясной, увлекательной форме излагались бы труднейшие вопросы материалистического понимания истории. Уже поэтому неосценимы заслуги Плеханова перед рабочим движением в России. И много последующих грехов зачтется ему за «Бельтова».

В. Ц. И. К. совершил крайне нужное дело, переиздав книгу Г. В. Плеханова-Бельтова. К большому сожалению, издание нельзя признать вполне удовлетворительным: оно изобилует ошибками и опечатками. Так французский историк Гизо почему-то упорно именуется «Дизо», профессор Гумплович превращен в «Гумилевича», а географ Элизе Реклю — в женщину «Элизу Реклю». Производительные силы преобразуются волею корректора в «продовольственные силы», самомнение — в «самосомнение» и проч.

Нельзя также не пожалеть о том, что издатель или редактор не предпослал книге статьи, которая разъяснила бы современным читателям, когда, как, почему и зачем В. Бельтов написал свою работу: ведь П. К. Михайловский ныне вовсе не имеет того обаяния, которым бесспорно пользовался в былые времена. И, напр., — для молодых рабочих будет не совсем понятно то ожесточение, с которым на него обрушивается автор.

К книге даются три приложения, из которых в первом издании появилось только одно. Почему бы не разъяснить, где, когда и по какому поводу они напечатаны. Ведь второе приложение представляет ответ Г. В. Плеханова за В. Бельтова и под другим псевдонимом, ответ тем критикам, которые напали на его книгу. Следовало бы, думается, внимательнее отнестись к произведению, имеющему неоспоримое право называться *боевой книгой революционного марксизма*. М. Серебряков.

Г. Грейлих. *Материалистическое понимание истории*. Изд. Всерос. Центр. Исполн. Комит. Сов. Р. С. Кр. и Каз. Деп. Стр. 32. М. 1918. Ц. 1 р.

Брошюра Грейлиха издана была еще в 1906 г. и обратила на себя внимание своим ясным изложением материалистического понимания истории. Автор, изложив идеи Маркса и Энгельса, иллюстрирует их историческими примерами. Он доказывает, что в эволюции истории экономические и социальные факторы всегда определяли свободную, явную, волю отдельных личностей и общественных групп. Любопытную иллюстрацию ему дают крестовые походы и их деятели. «Сквозь идеалистическое покрывало» автор усматривает экономическое основание этого движения. Материалистическое толкование истории дает возможность автору заявить, что «буржуазное общество погибнет так же, как и предшествовавшее ему»... «С юной силой появится на сцену истории его наследник — социализм, который выведет общество из царства необходимости в царство свободы»...

С.

Н. Рожков. *Лекции по истории социализма*. Читаны на сентябрьских педагогических курсах в Петрограде 1918 г. Изд. Отдела подготовки учителей Комис. Народн. Пров. Союза Коммунист. Сев. Области. Стр. 80. Петр. 1919. Ц. 3 р.

Правильно поставленный курс по истории социализма должен заключать в себе историю социалистических учений и выяснение тех условий, при которых происходило социалистическое движение. Автор взялся изложить лишь историю социалистических учений и то очень кратко. В первой лекции он говорит о средневековьи, о монашеских течениях, о теории Иохима из Фиоре, затем о крестьянских движениях с XIV до XVI в., выясняет (очень своеобразно) значение интеллигенции и совершенно неожиданно переходит к Платону (sic) Эвгемеру, Ямбулу.

Затем во второй лекции он излагает учение Т. Мора, Кампанеллы и переходит к социализму в английской революции XVII в. Затем излагает историю социальных течений во Франции XVIII в., Мелье, Морелли, Бабефа, выясняются общие черты второго периода, затем переходит к третьему периоду, к Англии второй половины XVIII в. и начала XIX в. Мы нарочно привели порядок изложения лекций, чтобы показать, что такие торопливые переходы, такое скомканное изложение непедагогичны и в умах слушателей-педагогов, вероятно, вызвали не мало сумбура и неожиданных выводов. Затем автор переходит к Оуэну и к Франции первой половины XIX в., к доктринам Фурье, учениям Каба, Сен-Симона, Луи Блана и к христианскому социализму. Очень подробно изложены взгляды Маркса и Энгельса, затем быстро рассматривается рабочее движение в Англии с половины XIX в. до начала XX, рабочее движение в Германии и во Франции. В заключение на одной страничке указывается литература по рабочему